

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ БОРИСОВ родился 2 (14) ноября 1866 года в деревне Глубокий Ручей близ города Красноборска на севере Вологодской губернии. Родители крестьянствовали, школы в деревушке не было, так что грамоте мальчик учился у местного дьячка и сравнительно образованного соседа. Первое знакомство с живописью произошло, когда владимирские богомазы приехали расписывать красноборскую церковь. Работа их произвела на Александра сильное впечатление, и мальчик увлекся перерисовкой картинок из книг. Суровая трудовая жизнь семьи позволяла делать это только по ночам, при свете керосиновой лампы, на плохой оберточной бумаге.

Монастырский воспитанник

В 10 лет Александр придавил себе ноги, развязывая воз дров. Очень долго он не мог ходить, а по выздоровлении родители по обету отдали его на год в Соловецкий монастырь. Монашеская среда, с ее аскетизмом и трудолюбием, сильно повлияла на впечатлительного юношу. Став в 1881 году послушником Соловецкого монастыря, Александр попал в рыболовецкую бригаду. Он ставил сети на лесных озерах, а в свободное время рисовал местную беломорскую природу и портреты скитской братии.

Через год Александр уехал домой, но в 18-летнем возрасте решил вернуться в Соловецкий монастырь и поступить в иконописную мастерскую. Там на его талант вскоре обратили внимание: архимандрит определил юношу в школу живописи при монастыре.

Летом 1885 года Соловки посетил президент Академии художеств, великий князь Владимир Александрович. Посмотрев работы Борисова, он пообещал ему содействие в получении художественного образования. Практические же шаги предпринял знаток живописи генерал Андрей Андреевич Боголюбов. Благодаря его хлопотам Александр получил пособие и осенью 1886 года приехал в Петербург.

В столице у него никого не было, поэтому очень своевременным оказалось ходатайство настоятеля Соловецкого монастыря о поселении и питании молодого человека в Александро-Невской лавре. Покровителями будущего художника стали все тот

же генерал Боголюбов и директор Александровского механического завода в Петербурге Болеслав Антонович Яловецкий. Первый занимался с ним русским языком и историей, второй — математикой. У поморского уроженца Борисова не имелось даже начального образования.

Занятия в рисовальной школе Общества поощрения художеств проходили три раза в неделю. Учеников было много, но самым великовозрастным и малообразованным среди них оказался Александр. Только сильная воля и внутренняя сосредоточенность помогли ему не потерять веру в себя. Трехлетний курс рисовальной школы Александр прошел за один год и в июле 1888-го подал прошение о приеме вольнослушателем в Академию художеств. Плату за обучение вносили Боголюбов, Яловецкий и директор Балтийского судостроительного завода Михаил Ильич Кази. Занимался Борисов усердно: за четыре года его успехи были отмечены двумя малыми и одной большой поощрительными серебряными медалями, а также назначением государственной стипендии.

В 1893 году в Академии учредили индивидуальные мастерские профессоров-руководителей. На эти должности пригласили известных художников-передвижников. Борисов обучался вначале у Ивана Ивановича Шишкина, а позже у Архипа Ивановича Куинджи.

В летние периоды Борисов не имел возможности уезжать к себе на Север и обычно проводил это время на академической даче со своим учителем, трудясь над прорисовкой пейзажей. Шишкин учил своего подопечного точности в рисунке и терпеливому труду рисовальщика. Позднее под влиянием Куинджи Александр Алексеевич отойдет от протокольного отношения к природе и приблизится к более глубокому пониманию художественной правды. В его работах появятся внутренняя взволнованность, экспрессия и творческая индивидуальность.

Возвращение на Север

Летом 1894 года Борисов вновь оказался в Арктике. Министр финансов Сергей Юльевич Витте отправился в экспедицию на Мурман с целью отыскания удобной гавани для новой военно-морской базы. В сопровождающую его группу вошел М. И. Кази,

После природы родных лесов Вологодской губернии наибольшее впечатление произвели на меня льды и белые ночи Соловецкие, и, может быть, по этой причине меня всегда тянуло на Север, хотя и до того рассказы и описания полярных путешествий не давали душе моей покоя.

Гавань в Соловецком монастыре. 1912
Холст на картоне, масло

*Ох уж эти полярные туманы!
Они наполняют душу путешественника
какой-то тоской, каким-то отчаянием.
Они покрывают всё своей таинственной
пеленой, как бы желая скрыть
далекие неведомые края от
пытливых взоров человека.*

Штиль — туман во льдах. 1898
Холст на картоне, масло

который взял с собой Борисова в качестве рисовальщика и фотографа. Посетив Архангельск и Соловки, экспедиция на пароходе «Ломоносов» обошла Мурманское побережье, останавливаясь для осмотра гаваней.

За три недели путешествия Борисов близко познакомился с Витте, который много беседовал с ним по вопросам быта и экономики Севера. После этой экспедиции молодой художник поверил в реальность своей мечты — вернуться в Арктику с кистью и палитрой. Он приступил к разработке плана большой экспедиции на Новую Землю.

Поездка по Белому и Баренцеву морям дала Борисову много живых наблюдений. Он написал массу этюдов, из которой в итоге выкристаллизовался сюжетный замысел картины «Среди вечных льдов». Работа эта была закончена к академической выставке 1896 года, где ее приобрела Академия художеств.

В октябре 1895 года Шишкин подал в отставку, и несколько его учеников, в том числе Борисов, перешли в мастерскую Куинджи. Эти годы произвели неизгладимое впечатление на Борисова. Куинджи был прирожденным педагогом. В его мастерской царил семейная обстановка. Наблюдая за работой учеников, он почти не делал замечаний, изучал их самих, внутренний мир будущих художников. Учиться живописи советовал на небольших этюдах с натуры, но использовать их при работе над картиной категорически запрещал. Несколько лет пребывания Борисова в мастерской Куинджи необычайно обогатили его творчество.

В январе 1896 года Борисов подал прошение в правление Академии художеств о выезде за границу сроком на один год и вместе со своим покровителем Кази отплыл в Англию. Оттуда художник, обогнув Скандинавию, направился в город Колу на Мурмане. На Кольском полуострове он пробыл весну и лето, посетив многие глухие его уголки. Пожалуй, именно с этого момента особое место в его творчестве занял мотив летней полярной ночи.

Вернувшись с Мурмана в Архангельск, Борисов первым же рейсом парохода «Ломоносов» отправился на Новую Землю. По дороге он познакомился с участниками экспедиции Казанского университета, следовавшей в Заполярье для наблюдения за полным солнечным затмением. По просьбе ученых он оста-

новился с ними в Малых Кармакулах и написал два этюда затмения, на основе которых позднее родилась большая картина.

Из Малых Кармакул Борисов перебрался в Поморскую губу в западном устье Маточкина Шара, где жило несколько ненецких семей. С семьями Пырерки и Вылки он подружился на долгие годы. Подрядив нескольких ненцев, художник решил пройти на карбасе проливом Маточкин Шар до Карского моря. По дороге из-за ледяных заторов случалось много остановок, которые Борисов использовал для написания этюдов. До Карского побережья добраться не удалось, и ему пришлось пешком пройти до мыса Выходного, чтобы с его высоты посмотреть на таинственное море.

Почти два месяца провел художник на Маточкином Шаре, неустанно работая над этюдами.

Некоторые этюды Борисов позднее переработал в картины, но большинство их осталось в качестве самостоятельных произведений и экспонировалось на выставках. Пятьдесят шесть этюдов за 8 тысяч рублей приобрел Павел Михайлович Третьяков. Они заняли целый зал его галереи в Москве.

Работы с Новой Земли

И всё же Борисов не был полностью удовлетворен двухмесячным пребыванием на Новой Земле. У него возникло желание перезимовать на Маточкином Шаре, а весной на собаках двинуться по береговым припаям на север, до мыса Желания: писать этюды, делать съемки берега, собирать коллекции. То есть принести пользу и искусству, и науке. Очень скоро эта мечта приобрела реальные формы. Но прежде чем отправиться на Новую Землю, Александр Алексеевич решил осуществить рекогносцировочный маршрут по Большеземельской тундре и на остров Вайгач. Надо было научиться спать на снегу, работать на морозе, есть сырое мясо, переносить одиночество.

В декабре 1897 года Борисов выехал поездом из Петербурга в Архангельск. В этой экспедиции он не ограничился написанием этюдов. Все свои наблюдения художник изложил в путевых литературных очерках «У самоедов. От Пинегы до Карского моря»,

*Попав в залив Чекина, мы отправились
вглубь. Настали опять тяжелые
дни и всяческие лишения. Далеки они
были от пережитых нами прошлой
осенью на плавучих льдах, но всё же
натерпелись вдосталь; приходилось
питаться одной тюлениной.*

Залив Чекина на берегу Карского моря.
Новая Земля. 1901
Холст на картоне, масло

Всё небо было залито золотистой зарей и напоминало глазам теплый летний вечер юга. Только снег разбивал всю эту иллюзию и составлял полный контраст с небом. Он настолько казался голубым, что, если бы художник написал такую картину, сказали бы: «Это неестественно и красочно!»

Ночь в Большеземельской тундре
в апреле. 1898
Холст на картоне, масло

вышедших отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1907 году. Путешествие оказалось масштабным и ярким.

Вернувшись, Борисов подробно изложил суть большой экспедиции на Новую Землю в письме председателю Русского географического общества Петру Петровичу Семёнову-Тян-Шанскому с целью заручиться его покровительством и поддержкой. Художник планировал приобрести небольшое парусное судно, погрузить на него сруб дома-мастерской и отплыть к восточному входу в пролив Маточкин Шар. Там предстояло собрать дом и перезимовать, а весной он хотел двинуться на собаках вдоль побережья к северной оконечности Новой Земли — мысу Желания. Для второй зимовки художник собирался вернуться в дом-мастерскую на Маточкином Шаре, а в следующую навигацию отплыть морем в Архангельск.

Министр финансов выделил для экспедиции Борисова 26 тысяч рублей, к ним художник добавил своих 7 тысяч, полученных за картины от Третьякова, и путешествие состоялось. Ход своей новоземельской экспедиции Борисов описал в книге «В стране холода и смерти», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1909 году.

Вернувшись в столицу, Борисов с удивлением узнал, что в мастерской для обработки собранных материалов ему отказали. Пришлось снимать помещение за свой счет на Васильевском острове. И всё же поездка на Новую Землю, множество привезенных этюдов и рисунков сделали художника героем дня. Немало хороших слов было сказано о нём Репиным, Васнецовым, Стасовым.

Весь 1902 год Борисов усиленно работает в своей мастерской, обобщая собранный материал, пишет большой очерк о своем путешествии для журнала «Нива». Но оказалось, что подготовить путешествие на Новую Землю легче, чем устроить выставку созданных работ. К тому же целый год ушел на картину «Страна смерти». Публика встретила ее по-разному, но восхищенный В. А. Гиляровский, которому не откажешь во вкусе, даже написал стихотворение:

*Свинцовый блеск громады океана,
Блеск серебра в вершинах снежных гор,
Горящих в дымке нежного тумана,
И смерть, и холод, и простор!
Несутся облака туманною грядю,*

*Пока их холод в тучи не сковал,
И лижет море синюю волною
Уступы белых, грозных скал...*

Картины полярной природы пожелал увидеть император Николай II. 1 марта 1903 года в Зимнем дворце открыли экспозицию работ Борисова для царской фамилии. Царь приобрел картину «Страна смерти» и передал ее в Русский музей.

Летом 1903 года Борисов снова едет рейсовым пароходом на Новую Землю и месяц живет в своем доме на Маточкином Шаре. Оттуда он привозит несколько альбомов с рисунками. Ряд работ художника приобретают для Русского музея. Одновременно царь заказывает ему пять картин по его выбору.

Начало XX века отмечено творческим подъемом Борисова. Накопив этюдный материал, он одну за другой создает картины. Вместе с тем Александр Алексеевич стал проявлять себя и в другом качестве: он пишет статьи в газеты о богатствах Севера, о проводке караванов по Севморпути.

Мировая слава

Имя Борисова стало известно за границей. Первыми его пригласили к себе венские художники — по рекомендации Юлиуса Пайера и Карла Вейпрехта, первооткрывателей Земли Франца-Иосифа. Экспозиция в Вене оказалась первой персональной выставкой Борисова. Несмотря на то что Русский музей отказал в выдаче картин, рецензенты отмечали, что таких залов нельзя отыскать в Москве и Петербурге. Посыпались заказы и предложения по продаже.

С Вены началось триумфальное шествие Борисова по Европе: Прага, Мюнхен, Берлин, Гамбург, Дюссельдорф, Кёльн. Его называли «русским Нансеном», альбомы и каталоги выпускали на четырех европейских языках. Россию упрекали в замалчивании своих талантов. Отвергнув работы австрийских «ледописателей», европейцы присудили первенство русскому. Любопытно, что до этого первенство принадлежало Пайеру, но тот не мог писать этюды при 30-градусных морозах на Земле Франца-Иосифа и все свои картины создавал позднее, на материке.